

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора филологических наук Саловой Светланы Алексеевны
на диссертацию Анны Кирилловны Федотовой «Русская любовная
элегия 1730 – 1770-х годов», представленную на соискание учёной
степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Жанрологическая проблематика традиционно находится в сфере приоритетного внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей русской литературы XVIII века. Для изучения русской классицистической элегии основополагающее значение на протяжении многих десятилетий сохраняет фундаментальная работа Г.А. Гуковского «Элегия в XVIII веке». Его наблюдения над сформированной в поэтической практике А.П. Сумарокова национальной моделью элегического жанра и её последующей трансформацией у представителей «сумароковской школы» лишь много позднее были выборочно развиты или полемически оспорены в монографических исследованиях Б. Кронеберга, Л.Г. Фризмана, В.Э. Вацура, К.Н. Григорьяна. Отсутствие стабильного интереса специалистов по русскому XVIII веку к начальному сюжету жанровой эволюции русской элегии особенно ощутимо на общем фоне многочисленных исследований, посвящённых разным аспектам истории и поэтики неканонической элегии во всём спектре её жанровых модификаций. Единичность научных работ, сфокусированных на ранних этапах становления данного жанра в русской литературе классицистической эпохи, обуславливает *актуальность* предпринятого в диссертации А.К. Федотовой комплексного исследования жанрового феномена русской любовной элегии 1730-х – 1770-х годов. *Теоретическая значимость* данной работы связана с определением круга жанровых форм, с которыми взаимодействовала любовная элегия через общие сегменты мотивно-тематического репертуара, с выявлением конститутивных признаков национальной модели жанра, соотнесённой с соответствующей французской прециозной традицией, а также определением основного вектора последующей трансформации русской любовной элегии.

Основной *целью* диссертации А.К. Федотовой стало выявление истоков русской любовной элегии и определение её места в русской поэзии XVIII века. Исследовательская стратегия диссертантки нацелена на последовательное выявление признаков соответствия/несоответствия авторских актуализаций элегических мотивов, формул, лирических ситуаций, пейзажных топосов и т.д. некоей эталонной модели их художественной репрезентации, явленной во французской прециозной элегии. В качестве основного *объекта* исследования в диссертации А.К. Федотовой выступили стихотворения, составляющие ядро и периферию поджанра любовной элегии и дающие

наглядное представление о некоторых векторах его развития в европейской и отечественной поэтической традиции. Реализация обозначенных целей, достоверность содержания диссертации и *обоснованность* полученных *выводов* обеспечивалась применением полилога историко-литературного, историко-культурного, сравнительного подходов к материалу, манифестированных активным вовлечением в орбиту сопоставительного анализа внушительного по объёму массива русскоязычных и франкоязычных литературно-художественных текстов.

Новизна рецензируемого исследования состоит в хронологически последовательном корпусном обследовании элегических стихотворений на любовную тематику в отечественной жанровой традиции XVIII века сквозь призму её преемственной связи с французской прециозной поэзией, с эпизодическим подключением к компаративному анализу образчиков классической античной элегии. В диссертационном исследовании А.К. Федотовой впервые продемонстрированы развёрнутые, многосоставные текстуальные параллели и переклички между любовными элегиями русских и французских авторов; выявлена связь между ними в исторической перспективе, определено их место в общей картине становления и развития жанра; обоснована степень самостоятельности авторских модификаций любовной элегии на русской почве; впервые установлены французские источники двух переводных русских элегий – «На смерть Галатеи» И.Ф. Богдановича и «На человеческую жизнь» М.М. Хераскова.

Структура диссертации А.К. Федотовой определена поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы, и приложения в формате каталога 143 элегий, опубликованных в разных изданиях в период с 1735 по 1779 год. Объём работы (247 страниц) и библиографического списка в полной мере соответствует существующим нормам. Отмечу наиболее значимые, на мой взгляд, результаты работы А.К. Федотовой по главам.

В *первой главе* реконструирован отечественный и инациональный книжно-литературный контекст, в пространстве которого происходило постепенное оформление жанрового облика русской классицистической любовной элегии. В качестве важнейших предпосылок её возникновения вполне обоснованно выделены и с разной степенью подробности рассмотрены книжная любовная песня Петровского времени, французская прециозная элегия и несколько песен В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, предвосхитивших их собственную поэтическую практику в элегическом жанре.

Поскольку исследователей продолжает интриговать вопрос о связи русской любовной элегии с французским прециозным «жанровым прототипом», безусловный интерес вызывает рассмотрение данной «источниковедческой» проблематики во втором

параграфе, напоминая компендиум по уверенной манере презентации обширнейшего и многопланового по содержанию материала. Несомненную ценность представляет осуществлённая там развёрнутая презентация основных конститутивных признаков французской прециозной элегии: её топики, мотивного репертуара, образного строя, поэтического словаря. Однако последовавшая за этим на страницах 57 – 60 резюмирующая констатация сходства и «серьёзных различий» между французскими прециозными и русскими классицистическими любовными элегиями оставляет стойкое впечатление алогичной и преждевременной, поскольку не исходит из конкретного текстуального анализа поэтического материала, но предваряет его, тем самым как бы отменяя его необходимость.

Содержанием третьего параграфа стало выявление значения песенной поэзии Тредиаковского и Сумарокова для становления русской элегии. Осмысляя жанровую позицию Тредиаковского как автора двух элегий 1735 года, А.К. Федотова зафиксировала буквальное совпадение в авторской актуализации любовной топики в первой из них и в «Плаче одного любовника...» из сборника «Стихов на разные случаи» (1730), а также указала на признаки, маркирующие близость к песенной традиции второй элегии. Вызывает некоторое сожаление, что вслед за Б. Кронебергом диссертантка отнесла «Плач одного любовника...» к разряду «любовных песен», не уделив специального внимания проблеме авторской номинации жанра и не рассмотрев заглавие названного стихотворения в аспекте отчётливо преломившейся в нём жанровой рефлексии Тредиаковского.

Вторая глава диссертационного исследования А.К. Федотовой посвящена начальному этапу становления жанра любовной элегии на русской почве. Конкретными объектами аналитического рассмотрения в ней стали любовные элегии В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова. Безусловный интерес представляет попытка истолкования в качестве мини-цикла двух любовных элегий Тредиаковского 1735 года, а также зафиксированные А.К. Федотовой примеры ретранслирования в его элегических опытах общих мест прециозной модели жанра. Весьма репрезентативен в концептуальном плане анализ 11 сумароковских элегий, опубликованных в «Трудолюбивой пчеле», проведённый с установкой на уяснение их роли в создании «того типа классицистической любовной элегии, который просуществовал вплоть до 1780-х годов» (с. 82 – 83). В анализе мотивно-тематического репертуара и любовной топики любовных элегий Сумарокова 1759 года А.К. Федотова резонно исходит из посыла, что жанровая позиция поэта обнаружила себя в интенции «глубже сконцентрироваться на чувстве» (с. 88). Большая часть третьего параграфа посвящена выявлению инновационных

особенностей художественной репрезентации и авторской актуализации важнейших для любовных элегий Сумарокова мотивов (смерти, слёз, утраты разума от любви). Следует особо отметить плодотворность попытки А.К. Федотовой определить жанровую специфичность их лирического субъекта, заключающуюся, по её мнению, в «абсолютном трагизме элегического героя Сумарокова» (с. 91). Значительный интерес представляет также фрагмент, где раскрываются жанровые функции пейзажа, предлагается типология видов ландшафта и описывается номенклатура пространственных образов в сумароковских элегиях. Конкретные суждения и комментарии А.К. Федотовой относительно отхода Сумарокова от использования стандартных приёмов презентации пейзажного топоса надёжно верифицируются обильными текстуальными сопоставлениями его стихотворений с элегиями Тредиаковского и поэтов-прециозников. Специально укажем на несомненную перспективность постулированной А.К. Федотовой на с. 98 мысли о всё большем «отдалении» Сумарокова, стремящегося в своих элегиях к «большей абстрактности, краткости и упрощённости», от французской прециозной жанровой традиции. Замечу попутно, что содержание данного фрагмента можно было укрупнить заострением вопроса о жанрово обусловленном выборе пространственных образов и зависимом от жанра их смысловом наполнении. В общую логику рассуждений А.К. Федотовой о поэтике сумароковских элегий 1759 года органично вписан завершающий параграф раздел о связи трагедийных и элегических трактовок любовной темы. Обосновывая не отличающийся новизной общий тезис «само восприятие любви в элегии схоже с трагическим» (с. 100), А.К. Федотова выстроила длинные ряды параллелей и красноречивых переключек между текстами любовных элегий Сумарокова и монологами персонажей из его же трагедий. Вызывает доверие утверждение диссертантки об унаследованной от трагедии «риторической перегруженности элегии» Сумарокова (с. 103).

Содержание четвёртого, двухстраничного по объёму, параграфа оставляет ощущение логического сбоя, поскольку в нём бегло анализируются факультативные для основной проблематики рецензируемой диссертационной работы две тренические элегии Сумарокова. Необходимость подобной фокусировки частично оправдывало указание А.К. Федотовой на реализованную в них (по контрасту с любовными элегиями) установку на воссоздание естественных чувств лирического «двойника» поэта, однако этот весьма перспективный посыл не получил в диссертации дальнейшего концептуального развития. Несколько забегаю вперёд, замечу, что стремление диссертантки вовлечь в сферу текстуального анализа практически весь известный ей фонд русских любовных элегий неизбежно обернулось досадными издержками в композиционной организации

разнородного материала, привело к разбалансированности объёма параграфов внутри не только второй главы, но и всех последующих.

Нельзя признать вполне удовлетворительной логику изложения материала в пятом параграфе, содержащем краткие сведения о последних этапах работы Сумарокова над авторским корпусом любовных элегий. Отдельного упоминания заслуживает предложенный здесь, к сожалению, излишне лаконичный разбор единственной в подборке «Разных стихотворений» 1769 года новой любовной элегии «Все радости мои уходят от меня...». В этом же параграфе, проигнорировав хронологический принцип презентации материала, А.К. Федотова ограничилась констатацией инновационной природы двух новых элегий в сумароковском сборнике «Елегии любовные» 1774 года, так и не ставшем в дальнейшем объектом специального рассмотрения.

В завершающем вторую главу шестом параграфе предпринята малоудачная, на мой взгляд, попытка определить место элегии Сумарокова в контексте других разрабатывавшихся им жанров любовной поэзии – песни, идиллии, эклоги. Подавляющее большинство суждений А.К. Федотовой о песне и идиллии, к сожалению, носят либо вторичный, либо сугубо декларативный характер. Особый интерес в этом параграфе могло представлять сравнение формально-содержательных признаков сумароковских эклоги и элегии. Однако в диссертации А.К. Федотовой оно оказалось недостаточно репрезентативным, поскольку не учитывало концептуально значимого обстоятельства параллельной публикации в 1774 году авторских сборников «Еклоги Александра Сумарокова» и «Елегии любовныя» (а также «Любовной гадательной книжки», замечу попутно). Вот почему на с. 118 голословно прозвучал верный в целом тезис о намерении Сумарокова придать жанрам чёткие границы, описывая в каждом из них разные стороны любви. Целесообразно было бы включить в эту жанровую парадигму и анакреонтическую оду, первые образчики которой Сумароков опубликовал ещё в 1755 году.

Насыщенная разнородным материалом вторая глава диссертации А.К. Федотовой в концептуальном плане оставляет ряд зияющих лакун. Укажу на некоторые из них. Есть основания полагать, что любовная лирика Сумарокова контекстуально обусловлена не столько прециозной, сколько современной ему европейской рокайльной поэтической традицией, причём обе традиции воспринимались поэтом далеко не однозначно и по большей части полемически. Что касается прециозной поэзии в целом и конкретной персонализированной жанровой традиции в частности, то упоминание Сумароковым-теоретиком имени де Ла Сюз отнюдь не равнозначно его последовательной ориентации в собственной поэтической практике на соответствующую модель жанра. Не исключено к тому же, что хорошо знакомый с комедиографией Мольера (а значит и с его «Смешными

прециозницами» 1659 года) Сумароков мог, хотя бы в самых общих чертах, сознавать неоднозначность прециозности как конкретного культурного феномена и женского культурного поведенческого кода. Поэтому представляется целесообразным принимать во внимание подвижность, динамичность, а также маскулинность жанровой позиции Сумарокова. Учитывая же связь между литературно-художественной практикой и социальной стратегией литераторов XVIII века (Сумарокова в том числе) логично предположить существование иных, помимо поэтических текстов, источников, участвовавших в оформлении его жанровой позиции, прежде всего учебников дворянского поведения.

В пяти параграфах *третьей главы* с разной степенью подробности рассмотрены русские любовные элегии, увидевшие свет в различных изданиях 1759 – 1760 годов. В первом параграфе номинированы авторы элегий, опубликованных в «Трудолюбивой пчеле»; здесь же декларирована установка «выявить ход развития жанра, его рецепцию каждым автором» (с. 120), предполагающая, в частности, уяснение степени близости элегий разных авторов к «абстрактной сумароковской элегии» и отличий от неё. Значительный интерес представляет второй параграф, где в данном ракурсе подробно рассмотрены элегии А.А. Ржевского; обнаружены и скрупулёзно зафиксированы многочисленные текстуальные совпадения и переклички в элегиях Сумарокова и Ржевского. Особую ценность представляют выявленные и развёрнуто прокомментированные А.К. Федотовой «существенные отличия» в их поэтике и авторских актуализациях любовной топики. Вместе с тем проницательные эмпирические наблюдения и сформулированные выводы приобрели бы большую весомость, если бы А.К. Федотова провела чёткий водораздел между собственными оригинальными умозаключениями и теми, что, возможно, уже содержались в работах М.Л. Смусиной, М.Ф. Гришакowej, Б. Кронеберга, В.И. Кукулитиса, задолго до неё анализировавших поэзию Ржевского.

Самостоятельностью и оригинальностью отмечен параграф, посвящённый практически не изученным элегиям В.Д. Санковского. Фронтальный анализ позволил обнаружить преемственность их поэтики по отношению к авторским модификациям любовной элегии в поэзии Хераскова и Ржевского. Убедительными представляются приведённые в данном параграфе параллели между репрезентацией природных образов в стихотворениях Санковского и во французской прециозной поэзии. Необходимо отметить также несомненную продуктивность постулированной А.К. Федотовой идеи о предпринятой Санковским попытке циклизации своих элегических опытов. Остаётся

сожалеть, что диссертантка не учла при этом такой значимый фактор, как реальная жизненная основа его элегий начала 1760-х годов.

В заключительном параграфе третьей главы обстоятельно рассмотрены две редакции переводной элегии И.Ф. Богдановича «На смерть Галатеи» и попутно упомянута анонимная элегия из январского номера журнала «Невинное упражнение» за 1763 год. Сильной стороной представленного здесь аналитического материала является установление А.К. Федотовой французского оригинала, русскоязычную версию которого создал Богданович, и указание на издание 1747 года, по которому тот ознакомился с текстом французского поэта, скрывшего своё имя за криптонимами «J. O...M...D. M». Педантичное, последовательное сопоставление французского и русского текстов, предварённое скрупулёзным сравнением французского оригинала с его новолатинским первоисточником, позволило А.К. Федотовой исчерпывающе охарактеризовать переводческую стратегию Богдановича.

В последней, *четвёртой*, главе диссертации А.К. Федотовой рассмотрены любовные элегии 1769 – 1770-х годов. Репрезентативный материал для уяснения исторической динамики данной разновидности жанра в русской поэзии содержится в параграфе, посвящённом малоизученным элегиям Ф.Я. Козельского. Первостепенный интерес представляет развёрнутая здесь характеристика отличительных особенностей авторской модификации традиционной модели жанра. Наиболее удачными и тщательно аргументированными в данном параграфе являются, на мой взгляд, свежие наблюдения над функциональной характеристикой анималистической образности в элегиях Козельского и фрагмент об использовании в них распространённых сравнений, обусловивших размывание чётких границ жанра. Существенно отметить, что перечисленные в рецензируемой диссертации критерии оригинальности авторской актуализации жанра стали результатом рассмотрения стихотворений Козельского в широком линейном контексте не только современной ему отечественной и европейской поэтической традиции, но и в межтекстовой соотнесённости с античными элегиями Проперция и Овидия. Экспериментальная поэтическая практика Козельского в поджанре любовной элегии в диссертации А.К. Федотовой фактически расценена как кульминационный этап в историческом бытовании той модели жанра, которая некогда была канонизирована Сумароковым и позднее акцентирована в сентименталистском ключе в поэзии Хераскова. Поскольку завершением полного цикла эстетически продуктивного развития жанра считаются его пародийные актуализации, в рецензируемой диссертации с опорой на монографию Бернхарда Кронеберга даётся краткий обзор некоторых из них. Немалое сожаление вызывает фактическое выпадение из сферы

аналитического рассмотрения А.К. Федотовой сумароковского сборника элегий 1774 года; подобное игнорирование равнозначно отрицанию возможных динамических изменений в жанровой позиции Сумарокова, с чем категорически нельзя согласиться.

Подведённые в Заключении итоги исследования основных этапов исторического развития русской любовной элегии в эпоху классицизма в общем и целом не вызывают принципиальных возражений, хотя в ряде случаев носят сугубо предварительный, неокончательный характер.

Впечатляет объём использованной диссертанткой литературы, список которой включает 182 наименования, в том числе около 40 источников на иностранных языках. Целесообразно было бы его расширить указаниями на имеющие непосредственное отношение к теме рецензируемой диссертации статью В.И. Тюпы 2007 года «Классицистическая парадигма и любовный дискурс» и отдельные работы о Сумарокове Т.Е. Абрамзон. В списке литературы не учтены работы А.В. Голубкова, в том числе его новейшая монография «Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе» и недавняя статья Т.И. Акимовой об одном источнике сумароковского сборника элегий 1774 года.

Несомненной заслугой А.К. Федотовой является составление уникального по своей информативности Приложения к диссертации, где дано практически исчерпывающее описание корпуса текстов, составляющих ядро и периферию русской любовной элегии 1730 – 1770-х годов.

Для более полного уяснения концепции диссертации считаем необходимым задать её автору несколько вопросов:

1. Насколько релевантным для Сумарокова как теоретика и издателя «Трудолюбивой пчелы» (открывавшегося, напомним, статьёй Г.В. Козицкого «О пользе мифологии») был факт полярности позиций Н. Буало и прециозниц во французском «споре древних и новых»? Повлияла ли, прямо или косвенно, проблематика этого легендарного конфликта на концептуализацию любви в 10 опубликованных там его любовных элегиях?
2. В новейших исследованиях по социологии литературы XVIII века настойчиво постулируется мысль об обусловленности литературно-художественной практики социальной стратегией литератора. Репрезентативна ли русская любовная элегия (и в частности, элегия Сумарокова) с этой точки зрения, какому потенциальному читателю она адресована?

Указанные замечания не снижают общего уровня диссертации А.К. Федотовой, имеющей необходимые признаки научной новизны, самостоятельности, оригинальности.

В результате проведенного исследования А.К. Федотовой удалось достигнуть поставленной цели и убедительно обосновать выдвинутые для защиты положения. Диссертация А.К. Федотовой вносит существенный вклад в современные научные представления о закономерностях становления, динамического развития и исторического существования национальной жанровой модели любовной элегии; её результаты могут быть использованы в вузовской практике преподавания истории русской литературы XVIII века, а также при подготовке изданий сочинений русских поэтов-элегиков XVIII века.

Результаты исследования были апробированы в выступлениях на научных конференциях и в 3 статьях, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация Анны Кирилловны Федотовой «Русская любовная элегия 1730 – 1770-х годов» отвечает критериям, указанным в параграфе II (пункты 9, 10) действующего «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого в новой редакции (от 01.10.2018) Постановления Правительства РФ от 24.09. 2013 № 842 «О порядке присуждения учёных степеней», а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской, зарубежной
литературы и издательского дела
ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»

23.10.2018

Подпись *С.А. Салова*
Заверяю: ученый секретарь БашГУ

« 25 » октября 20 18 г.

Салова Светлана Алексеевна
доктор филологических наук 10.01.01. – русская литература
доцент, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и
издательского дела ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32
официальный сайт в сети «Интернет»: <http://www.bashedu.ru>
e-mail: svetsal@yandex.ru, тел.: 89177584118.